

«Человека, которого действительно можно назвать русским, встретить нелегко. Русских остались единицы. Москва совсем нерусская. Ну вот живешь себе в иностранном городе, что с того? Пошел за тетрадками в «Детский мир», а там продают «мерседесы». На улице тут же американские украинцы (издают на русском языке, правда) «Что кроется за новым мировым порядком?» Открыл: борьба протестантов с католиками под экуменическим соусом. С одной стороны глобус, с другой - Буш, грозящий пальцем читателю. То есть мне, что ли? Бросил в урну. Кричат: «Бесплатно! Бесплатно!»...Иду в мастерскую и чувствую, что не скрываю гримасу отвращения. Стоит дитя гор и жует - очень смешно.... Надоело наблюдать, как всякие тайные доктрины превращаются в отрывку сына гор».

Запись из дневника Сергея Шерстюка. Сделана 14 сентября 1992 г.

У этой книги три главных героя. Автор - известный московских художник-гиперреалист Сергей Шерстюк. Его жена - прима ефремовского МХАТа, русская актриса Елена Майорова.

И страна - вначале СССР, потом Россия девяностых годов минувшего XX века, в которой суждено было жить и умереть Шерстюку и Майоровой. Двух главных героев уже нет в живых. Елена Майорова трагически погибла (при до сих пор невыясненных обстоятельствах) 23 августа 1997 г. Ровно через девять месяцев - 23 мая 1998 г. умер от рака Сергей Шерстюк. Жива ли ещё Россия (или то государственное образование, которое в официальных документах именуется «Российской Федерацией») - на этот вопрос в меру своего разума и опыта может ответить каждый, читающий эти строки.

«Украденная книга» - это невымышленная история, то, что ныне именуется non-fiction, составленная из хронологически упорядоченных дневниковых записей, сделанных Шерстюком в 70 - 90-ые годы уже прошедшего века. Из этого своеобразного дневника-романа, от которого невозможно оторваться, каждый может выудить всё, что угодно: здесь и последняя в XX веке история любви, несущая в себе неизбывный метафизический трагизм, столь странный и нелепый в обмельчавшем современном мире, (о любви этой здесь нам говорить не с руки - оставим её за скобками), и маргинально-богемный мир киевско-московского «андеграунда», и различная «бытовуха», иногда смешная, иногда печальная ... Для нас самым главным и интересным представляется историософская составляющая дневников. Своеобразный анамнез,

история болезни страны и общества, точно и жестко осмысленная стенограмма того, что наблюдал Шерстюк из окна своей квартиры на Тверской, видел на улицах, смотрел по ТВ . Шерстюк просто брал материал, лежавший у него под ногами, думал о нём, а мысли свои скачивал в дневник. Они-то, эти мысли, и являются главным событием «Украденной книги».

«Советская власть взорвала Страстной монастырь и построила на его месте кинотеатр «Россия», наша же власть открыла там казино «Каро» и «Партийную зону», откуда по ночам транслируют патлатых, косноязычных и отвязных дегенератов, - сбылась мечта хипов. И мечту эту осуществили паскудные комсюки из МГИМО и прочих идеологических отделов... А дегенераты из «Партийной зоны» лет через двадцать могут запросто оказаться лагерными надсмотрщиками, палачами или председателями «троек». И это не будет предательством, ибо уже сегодня они танцуют на костях монахинь. Вот житуха! Сподобил меня Господь все это наблюдать».

Сергей Шерстюк вырос, как говаривали в прежние советские времена, в «приличной семье». Привилегированная советская фронда. Отец - генерал, хорошая квартира на Тверской, золотая юность обеспеченного хипстера, увлечение эзотерикой и абстракционизмом, учеба на престижнейшем искусствоведческом отделении истфака МГУ - это страницы видимой, «внешней» биографии. Дневники же Шестюка приоткрывают его путь внутреннего, духовного делания. Как далекий от всякой политики, вполне богемный молодой художник, превращается в русского националиста и монархиста? *«Человек бывает монархистом не для того чтобы прозревать или даже видеть все как есть, а чтобы служить. Но вдруг случается, что кто-то прозревает именно до монархизма. И то хорошо. ...Достоевского вдруг вспомнил. Ему помог острог, а мне было достаточно стать хиппи. Вчера стал хиппи, а завтра уже монархист».*

Один из близких друзей Шерстюка и Майоровой так отозвался об этой паре: «Люди чести в наступившие времена безчестия». Сильное и точное определение. Будучи человеком чести, Сергей Шерстюк спустя 76 лет после февраля 1917 г. считал **себя** (как продолжателя Белого Дела) повинным в клятвопреступлении перед последним русским Государем.

«Я не люблю большевиков, никогда не прощу их ритуальные убийства и ритуальное надругательство над православием, но, победы вдруг белые, я знаю, невзорванные храмы постигло бы запустение. В них производили бы кока-колу... По воскресеньям мы ходили бы в игрушечные церкви, вымаливая у Бога прибыль. Религия стала бы ритуалом чисто накопительским, а храм - продолжением компьютера. ...Я очень люблю русских офицеров, юнкеров и солдат, не убоившихся поднять оружие против змия, но они не Белое дело, они - русские. Белое дело - это всё та же идея индустриальной цивилизации. И

мы повинны

не в поражении, а в клятвопреступлении. Многие офицеры не поняли, что вели их в бой клятвопреступники. Алексеев, Корнилов, Колчак, Деникин, Врангель - люди, без которых невозможна Февральская революция, невозможно было бы отречение нашего царя, они клятвопреступники. Это они завели машину, которая спустя 76 лет расстреляла Белый дом. Собственно расстреляла своё белое дело».

В посткоммунистической России, в мутном и смрадном болоте, именуемом «эрэфией», Шерстюк не признал своего отечества, не признал страны, в которой ему хотелось бы жить. **«Гадость и пир жлобов»**, - записал Шерстюк о современной России. В этом он вполне созвучен с одним из своих любимейших авторов, Константином Леонтьевым, писавшим за век до Шерстюка: «Я не понимаю французов, которые умеют любить всякую Францию, и всякой служить... Я желаю, чтобы отчизна моя достойна была моего уважения и Россию всякую (например, такую, в которой Градовский и Стасюлевич ограничивали бы власть министров) я могу разве по принуждению выносить...». Умный человек художник Шерстюк не испытывал особой ностальгии и по канувшей Совдепии, благо холщовые, опухшие от водки коммунистические рыла никуда не делись, а просто выйдя из КПСС, грамотно перераспределились по всему российскому политическому спектру. Глянешь на рожи думских депутатов, или, там, губернаторов, или партийных вождей (имя им - легион) и думаешь: Господи, ну откуда?! С Марса этих козлов, что ли заслали? Не с Марса, а от Маркса - как вся русская литературы вышла из гоголевской «Шинели», так и весь нынешний политический бомонд, от президента до префекта, вырос из жижи и гноя непереваренных позднесоветских комплексов.

Ностальгия Шерстюка - это тоска по Русской Империи, она была его Раем, безвозвратно утраченным в феврале 1917 г. Слабый и искажённый свет той великой Белой Империи отражался (пусть и весьма карикатурно) и на увядавшем Красном Совдепе. Конечно, современному человеку и фальшивый блеск стекляруса может напомнить об истинном сиянии алмаза. Сам Шерстюк эту разницу прекрасно понимал, однажды заметив, что русский блаженный и советский сумасшедший не имеют друг другу никакого отношения. Подлинная же Империя, белая Россия, наша великая Прародина не ушли в небытие. Они остались **с нашим** Государем.

«Это ж каким надо быть дураком, чтоб, убив Николая II, решить, что власть у него отнял! Это он тебе ад на земле построил, а ты что думал, дурак? ...вечный ад на куске фанеры, вырезанной в форме России и приклеенной к преисподней. А Россию Николай II с собой на небо забрал... Хотя, кажется, кто-то с небесной России уже прилетел... Идешь по фанерной России и вдруг - бац! - ручей, дуб, пшеница, солнце - ну как на небе! Господи, спаси Россию...»

19 марта 1994 года, размышляя о судьбе Русской Империи, Сергей Шерстюк делает в дневнике одну из самых поразительных и провидческих записей, полную эсхатологического понимания действительности: «Без Российской Империи - или СССР, или русский фашизм. Теперь уж извините. Тут даже ни ума, ни мудрости не надо, чтобы такое понимать. ...Русский фашизм будет материализацией русского настроения - а это покруче, чем две тысячи лет денежки считать. Потому что все денежки могут оказаться недействительными. Их ведь русский фашизм может и отменить вкуче с бриллиантами и бранзулетками. Тут человечество не цивилизацию, которая и так обосралась потерять может, а вообще человеческую историю».

*А дальше что? Мир кончится. Вновь будет обретён утраченный Райский Сад, о котором тосковал Шерстюк. Снизойдёт с неба великий Град, Святый Небесный Иерусалим. **«Ворота его не будут запираются днём; а ночи там не будет. И не войдёт в него ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в книге жизни».**
(Апок., 21; 25, 27).*

Сергей Шерстюк и Елена Майорова похоронены на Троекуровском кладбище. Отпевали их в церкви Большого Вознесения на Никитской, где венчался Пушкин...

Царствие им небесное. Горняя Тверская. Горнее Замоскворечье. Горний Иерусалим.

Путь каждого христианина к обретению Рая обязательно лежит через Голгофу.

Андрей Жуков

Опричное братство св. преп. Иосифа Волоцкого